

Огни на курганах

Автор:

Василий Ян

Огни на курганах

Василий Ян

Историческая повесть известного советского писателя В. Г. Яна (Янчевецкого) «Огни на курганах», впервые изданная в 1932 году и в последствии переработанная и дополненная, рассказывает о талантливом, но жестоком завоевателе Александре Македонском. Писатель постарался изобразить его таким, каким он был в действительности: разрушителем городов, истребителем мирного населения целых районов, казнившим каждого, кто оказывал ему сопротивление или казался подозрительным.

Василий Ян

Огни на курганах

Часть первая

Александр в долине Седых гор

Кто направлял средь битвы

Молнией властной десницы

Неумолимый, как рок,

Удар золотых фаланг?..

Из песен Аристоники

Македонская застава на перевале

Там, где угрюмый хребет Седых гор,[1 - Седые горы (Сафэд-кох) – горный хребет к югу от долины Кабула в Афганистане.] прорезан узким ущельем Священных лоскутов[2 - До сих пор в этом ущелье путники вешали на ветвях деревьев лоскутки от своих одежд в честь «духа гор». Отсюда и название ущелья.] близ источника Куропаток, под нависшими глыбами зеленоватого гранита с красными прожилками стоят полукругом кожаные палатки, растянутые на кольях. Они выгорели на солнце, и ветер не переставая треплет их.

Огонек костра с треском вспыхивает, когда в него подбрасывают пучок сухих колючек. Порывы холодного ветра уносят клубы густого дыма. Ветер раскачивает длинные стебли растений с желтыми цветами, гонит по дороге сухие листья фисташковых деревьев, которые растут по склону горы, вцепившись корнями в трещины скал. Иногда скатываются легкие высохшие шары перекасти-поля и, прыгая, несутся по каменистому ущелью. По обе стороны тропы на всех кустах нацеплены розовые и синие выцветшие лоскутки, оставленные суеверными путниками. Ведь если не оставить подарка духам гор, спрятавшимся в глубине ущелий, то этим можно вызвать их гнев, и они сбросят скалу, напустят болезнь или заставят хромать лошадь, и путник не увидит родного дома.

Около костра, кутаясь в порыжелые шерстяные плащи, сидят бородатые воины. К огню протянуты их волосатые, загорелые ноги, обутое в красные кожаные сандалии, подбитые гвоздями. Ремни от сандалий переплетены до колен. Бронзовые шлемы, сдвинутые на затылки, потемнели от времени и носят следы многих ударов. Обветренные лица темны от пыли и загара. Глаза щурятся от едкого дыма.

– Проклятое место!.. – ворчит один. – Холодный ветер дует из этой щели, как из кузнечного меха.

– Но, но! Клянусь Гераклом, – кричит другой воин, – даже кони бешутся здесь, на этом проклятом перевале!

Восемь лошадей привязаны к коновязям, по четыре в ряд, головами в середину, четыре вороных и четыре рыжих. Два жеребца ржали и взвизгивали, стараясь достать друг друга.

Воин прикрикнул на них, схватил несколько жгутов сена и стал раскручивать и пушить их перед присмирившими конями.

– Аристоник никогда не позаботится о коне! Сидит где-нибудь на скале и мурлычет свою песню.

– Стой!.. – раздался крик между скал. – Стой, бродяга, а то я прокалю тебе живот!

Все три воина вскочили, схватив копья.

– Аристоник не прозевал! Кто-то хотел пробраться мимо поста. Нужно придержать его.

– Куда идешь?.. – раздался сверху новый окрик по-персидски, и между большими камнями заметался странный тощий человек.

С необычайной легкостью, размахивая руками и широким плащом, похожий на летучую мышь, он бежал по склону горы, прыгая с одной скалы на другую, и к нему спешили наперерез воины, бывшие в дозоре. Путник сделал несколько прыжков, бросился к костру и здесь опустился на землю.

Этот человек, казалось, не мылся и не стригся от рождения. Длинные волосы, копной стоявшие над головой, спускались по спине чуть ли не до земли; они были заплетены в несколько кос, перевитых и перепутанных между собой и проткнутых на макушке длинными медными булавами. Курчавая бурая борода двумя прядями падала на грудь. Из-под грязной гривы черные глаза бросали недоверчивые, звериные взгляды. Полуголоое, почти черное, тощее тело покрывал изодранный плащ, заплатанный яркими лоскутьями. Странник был подпоясан несколькими разноцветными шнурками,[3 - Разноцветные шнуры на

поясе – признак жреца огнепоклонников.] на которых висели медные кривые ножи, щипчики, буравчики, сушеные змеи, ящерицы и другие диковинные знахарские принадлежности. На босых ногах налипли слои засохшей грязи. В руках он держал длинный посох; на конце его болталась пустая тыквенная бутылка.

– Кто такой? Куда идешь? – спрашивали воины.

– Иду в Забул.[4 - В описываемое время Кабул – столица Афганистана – населением назывался Забул.] – Он махнул рукой на север. – Я бедный атраван.[5 - Атраван – ученый жрец огнепоклонников.] Хожу по свету и избавляю людей от злых дивов,[6 - Дивы – злые духи бога зла Аримана.] посылаемых страшным Ариманом.

– Зачем крадешься по горе, а не идешь по дороге? Значит, ты имеешь дурные мысли! Зачем прячешься?

Атраван поднял к небу длинные костлявые руки.

– Вижу на небе то, что написано Великим, Всевидящим. Много крови прольется, не все вернутся домой...

– Это мы и без тебя знаем. Сиди здесь, попрошайка! Сколько денег собрал? Говори!.. – Воин замахнулся копьем.

Атраван упал на землю и стал причитать:

– Ой, не убивай! Расскажу очень важное! Кто у вас начальник? Только ему скажу.

– Аристоник, иди сюда! Бродяга зовет начальника. Наверное, хочет обмануть! Чтоб с ним больше не возиться, сбросим его на дно ущелья!..

Со скалы спустился молодой воин в войлочной шляпе, завернутый в полосатый шерстяной финикийский плащ. В руках он держал кифару,[7 - Кифара – деревянный щипковый музыкальный инструмент с семью и более струнами.] и пальцы рассеянно перебирали струны.

– Кто это? – Воин зевнул и потянулся.

– Попрошайка. Такие постоянно шатаются по всем дорогам и все высматривают. Это самые подозрительные бродяги. Надо его прикончить.

Лохматый странник замотал головой, схватил край своего рваного плаща и стал желтыми зубами отдирать розовую заплатку. Он вытащил небольшой обломок серебряной монеты и протянул темную ладонь.

Аристоник взял монету, внимательно осмотрел ее и сказал воину:

– Берда, это нужный человек. На монете изображение нашего базилевса. Это сямбаллон.[8 - Сямбаллон – предмет с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись.] Ты его проведешь прямо в главную канцелярию к экзетазису.[9 - Экзетазис – ведающий донесениями лазутчиков.] Смотри, чтоб его доставить живым... Сиди здесь! – указал он на место у костра.

Из глубины ущелья слышались звонкие крики. Поднимаясь по склону горы, приближались запыленные всадники, ослы и верблюды, нагруженные вьюками, возле них погонщики с бичами. Над всеми возвышался огромный серый слон с корзиной на спине. Он величественно шел размеренными шагами и раскачивал толстым хоботом.

– Стойте! Да обезобразит вас Геракл! – Воины скрестили копья.

Караван остановился. Из кожаной палатки вышел начальник поста; он стал обходить и опрашивать прибывших. Рядом с ним шел переводчик в круглой белой войлочной шапке.

Несколько всадников в красных плащах и ярко блистающих шлемах держались надменно и отвечали сухо и отрывисто.

– Посольство из Афин.[10 - Афиняне были настроены враждебно к македонянам и неоднократно участвовали в открытых выступлениях против Александра.] Нас четверо, пятый слуга. Пропуск есть для свободного проезда по Персии, подписан стратегом Парменионом в Экбатане.[11 - Парменион – один из старейших

военачальников Александра; находился с резервными войсками в Экбатане, важном узловом пункте, охраняя тыловые пути и связь Александра с родиной.]

- Подождете!

Группа путников, пестро одетых, сидела на ослах.

Они кричали все разом:

- Мы знаем, что славные непобедимые воины нуждаются во всем: в лекарствах от ран, приборах для бритья, ароматных мазях. Мы и продаем и обмениваем одни вещи на другие.

- Подождите здесь! Надо осмотреть вьюки.

- Ох, опять подождать! – застонали купцы. – Как остановка, так наши вьюки становятся более тощими!

Пожилой путник в полосатом плаще подъехал на высоком сером муле, покрытом зеленой сеткой с желтой бахромой. Покрой его одежды и золотистый тюрбан были необычны.

- Посол из вольного города Карт-хадашт.[12 - Карт-хадашт – богатый финикийский город Карфаген на северном берегу Африки.] на берегу Ливии[13 - В древности Африка называлась Ливией.] Со мной пять слуг и десять мулов с подарками для славного царя Македонии.

- Что ты бормочешь? Базилевс теперь уже не только царь Македонии, но повелитель всей Азии.

- Я буду счастлив приветствовать царя царей и поэтому совершил такой длинный путь.

- Подождешь! А это еще кто?

Перед воинами завертелся, кривляясь, старик в пестрой одежде, сшитой из ярких лоскутков. На голове возвышался остроконечный войлочный колпак,

расшитый звездами. На его плече сидела, обняв за шею, обезьяна и скалила зубы.

Приплясывая, старик скороговоркой объяснял:

- Показываю чудеса: вызываю духов добрых, прогоняю злых, везу знаменитую танцовщицу Тира и Сидона, прекрасную Анашторет. Она едет, чтобы показать свое искусство перед великим завоевателем Азии и его непобедимыми воинами...

Знаменитая танцовщица оказалась грациозной, худенькой девушкой, завернутой в пестрое покрывало. Она сидела на разукрашенном лентами ослике. Из складок покрывала весело блестели ее черные глаза.

- Пусть она нам споет и спляшет! Посмотрим, что за танцовщица! - заговорили воины.

Анашторет, улыбаясь, сбросила покрывало и, ударив в бубен, запела по-эллински:

На канате я танцую,

Над людьми и над шатрами,

И веселый смех целую

Ярко-алыми губами.

На руках, как змеи, гибких

Я танцую между лезвий.

И лучи моей улыбки

Отражаются в железе.[14 - Стихи А. Шапиро.]

Держа бубен зубами, девушка ухватилась за коврик на спине ослика и встала на тонких, гибких руках, загнув ноги над головой, как хвост скорпиона. Затем осторожно продвинула ноги дальше, изогнувшись кольцом, и опустила их на спину равнодушно стоящего ослика. Она выпрямилась и легко спрыгнула на землю.

- Прекрасно! - слышались одобрения воинов.

- Вам здесь делать нечего! - сердито сказал начальник поста. - Поворачивайте обратно.

- Брат! - воскликнула девушка. - Разве вы не хотите услышать песни вашей родины? Я знаю македонские и эллинские песни.

- Грабос, пропусти их! - вмешался Аристоник. - Сам базилевс любит слушать песни и смотреть на опасные пляски танцовщиц среди отточенных мечей.

Начальник отвернулся, махнув рукой.

Аристоник шепнул:

- Ничего не бойтесь! Поезжайте в город!

- Долгая жизнь тебе! - улыбнулась девушка, легко вскочив на ослика.

Путники двинулись по дороге, а из ущелья слышались новые крики:

- Берегись! Берегись! Дайте дорогу гонцу!

Три серых одногорбых верблюда, переваливаясь с боку на бок, иноходью бежали по ущелью. На двух передних сидели персы в цветных одеждах, закутав лица в башлыки, на третьем - пожилой македонец в пурпурном плаще и кожаном шлеме.

Персы хлестали животных толстыми плетями. Верблюды бежали, вытянув длинные шеи. За ними, направив вперед копыта, скакали греческие всадники, закутанные в бурые плащи.

- Именем базилевса, стойте!

Македонец с верблюда заревел:

– Как вы смеете, невежи, задерживать царскую почту! Пойдите! Да не ты ли это, Грабос? Какими судьбами ты здесь? Неужели ты, старый ветеран, служивший еще у нашего славного царя Филиппа, до сих пор только начальник сотни, а не царь одного из народов великого персидского царства? У нас в Пелле[15 - Пелла – столица Македонии.] уверены, что каждый македонец, даже самый последний конюх, ушедший с нашим лихим драчуном Александром завоевывать Азию, уже сделался если не царем провинции, то по крайней мере ее казначеем.

Начальник поста подошел к верблюду и протянул гонцу обе руки:

– Откуда едешь, Никомандр?

– Прямо из Пеллы. – Гонiec наклонился с горба верблюда и понизил голос: – Везу собственноручное письмо царицы-матери Олимпиады к ее царственному сыну, да живет он невредимо много лет! Хочу взглянуть на моего ученика. Я его помню еще упрямым и дерзким юношей. Жив ли его конь Буцефал?[16 - Описанный Плутархом конь Буцефал сопровождал в походах Александра и погиб в Индии, где в его честь был основан город Буцефалия.]

– Буцефал ожирел, ослабел ногами. Базилевс уже на нем не ездит, а все-таки по старой памяти водит с собой вместе с молодыми конями.

– Мой воспитанник Александр очень преуспел за эти годы, не правда ли? Вся наша Македония, пожалуй, едва ли больше одной этой долины. Сегодня же расспрошу его обо всем и побраню за то, что он тебя держит на такой маленькой должности. Видел я по дороге много беспорядков. Хочу ему дать полезные советы, как лучше управлять варварами. Он ведь еще молод и должен прислушаться к нам, более опытным в жизни. А где сейчас базилевс?

– Смотри туда! – Грабос показал рукой на север.

С перевала открывался широкий вид на цветущую долину. Три реки серебрились среди зеленых лугов, образуя острова, заросшие деревьями и кустами. Бесчисленные квадраты зеленых полей говорили о богатстве и плодородии края. Вдали, сквозь дрожащую дымку утреннего тумана, вырисовывался город, походивший на груду поставленных друг на друга глиняных кубиков. Долину окружали кольцом синие хребты гор с покрытыми снегом вершинами.

– Вот это главный город Ортоспана, или, как его называют местные жители, Забул. Уже несколько времени здесь стоит без движения лагерь базилевса. И никто из нас не знает, пойдет ли он дальше или повернет обратно. Сам он в городе не живет. Видишь в стороне ровные ряды палаток? Там расположилась конница Филоты – конечно, ты помнишь его, молочного брата базилевса? А далее зеленеют густые сады – вот там-то и находится ставка базилевса... – Он продолжал шепотом: – Александр не верит городу, где узкие грязные улицы перепутались лабиринтом... Жители могут поодиночке передуть всех наших воинов, если бы они вздумали заночевать в их домах. Ведь одних горожан Забула столько, что и не сосчитать!

– Что ты болтаешь! Разве жители не рады, что имеют такого умного и прекрасного царя?

– Эй, не место тут объяснять... Скоро ты сам все увидишь и поймешь. Так смотри же, Никомандр, не забудь своего обещания и скажи базилевсу, чтобы он назначил меня на дело получше, чем сторожить дорогу на этом холодном перевале.

– Хайретэ![17 - Хайретэ – греческое приветствие, буквально означает: «Радуйтесь!»] – воскликнул македонец и дал знак провожавшим его персам.

Громко щелкнули широкие плети, и верблюды с жалобным стоном вперевалку побежали вниз по каменистой дороге. За ними, наклонив вперед тонкие копыта, со звоном понеслись вскачь блистающие медью конвойные всадники.

Караван зашевелился и медленно двинулся по ущелью. Два воина, отвязав коней, вскочили на пестрые чепраки.[18 - Седел и стремян в то время всадники не знали. Верховой конь покрывался подстилкой – чепраком, кожаным или из шкуры, перетянутым широким ремнем.]

Между всадниками зашагал лохматый бродяга атраван, угрюмо поглядывая по сторонам и кутаясь в бурый рваный плащ.

Аристоник сел у костра, настраивая кифару и напевая:

После битвы при Арбелах

Александр Великий сразу

Взял у Дария все царство...

Прием у Базилевса

В узкой, тесной зале загородного дворца местного сатрапа собрались желающие представиться пред светлые очи грозного базилевса. Впереди стояли послы эллинов и далекого Карфагена. За ними теснились потерявшие службу бывшие персидские сановники и начальники некоторых воинских частей армии Александра.

Никомандр нетерпеливо оправлял складки белого гиматия,[19 - Гиматий – шерстяной плащ (накидка).] обращаясь вполголоса к соседу, афинскому послу:

– Сейчас я его увижу. Посмотрю, переменился ли этот веселый, стремительный, славный юноша. Okреп ли он или персидская роскошь его изнежила? Умеет ли он, как раньше, владеть мечом? А сколько хороших приемов боя я ему показал! Один отличный прием он долго старался выучить: обманный удар по голове, затем по плечу, опять по голове, перенос удара под правую руку и, когда противник открылся, – сразу выпад всем телом в горло – рукояткой вверх, острием вниз, чтобы меч вонзился в отверстие между шлемом и панцирем... Этот прием называется «молния пятого удара». Александр долго упражнялся, пока добился отчетливости этого удара... А вот, кажется, идут...

– Узнаешь ли ты его?

– Я-то его не узнаю! Шутник ты!

Пестрая, расшитая шелками занавеска, закрывавшая дверь, распахнулась под рукой толстого евнуха, который упал на колени и застыл в раболепной позе.

Все замолкли и выпрямились. Воин в начищенном до блеска панцире и шлеме, закрывающем все лицо, со сверкающими сквозь прорези шлема глазами вошел тяжелой поступью и стал около двери. Копье с широким отточенным лезвием опустилось к ноге и замерло. Стремительной походкой вошли четверо. Все они

были приблизительно одного возраста, в расцвете сил и молодости и до странности походили друг на друга. Белые гиматии с несмятыми выглаженными складками были, по афинскому обычаю, обернуты вокруг тела, и концы их перекинуты через левое плечо. Лица тщательно выбриты, волосы, слегка завитые, волнистыми кудрями спускались по сторонам лица, не достигая плеч. У всех четверых были мускулистые шеи и необычайно развитые мышцы обнаженной правой руки. Шнурованные сапоги до колен, так же как и гиматии, были афинского покроя.

Никомандр, сделав невольное движение, чтобы броситься вперед, остановился, удивленно раскрыв глаза.

Афинские послы и карфагенянин низко наклонились, протянув вперед руку. Несколько знатных персов в пурпурных одеждах, затканых лиловыми цветами, упали на пол, целуя ковер, и застыли в позе беспредельной преданности.

Все четверо вошедших несколько мгновений стояли, равнодушно оглядывая присутствующих. Один из четверых, бывший немного ниже ростом, сказал:

– Никомандр, что же ты не приветствуешь меня?

– Да ты ли это, базилевс Александр? Или у меня от радости в глазах двоится, но я перед собою вижу четырех Александров!

По лицу говорившего скользнула чуть заметная улыбка, и, обращаясь ко всем, он сказал общее приветствие:

– Хайретэ!

Никомандр стоял неподвижно, пристально всматриваясь. На знакомом мужественном лице с прямой линией лба и носа и женственным ртом, изогнутым, как лук Эрота, [20 - Эрот - бог любви, изображавшийся греками в виде мальчика с маленьким изогнутым луком и стрелами.] появились резкие, суровые морщины. Но не это поразило его. На него смотрели неподвижные стеклянные глаза, холодные и непроницаемые. «Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня», - подумал Никомандр. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по плечам концом тупого меча, и этим самоуверенным,

равнодушным человеком, прошедшим полмира, оставляя за собой бесчисленные развалины и реки слез и горя.

Никомандр смущенно бросился навстречу Александру. Тот позволил поцеловать себя в щеку и сам сделал движение губами, точно целовал бывшего учителя.

Старый толстый евнух в пестрой одежде поставил на лиловом ковре белый складной стул. Александр сел, расставив ноги в шнурованных красных сапогах; голые колени были сильно загорелыми.

Не обращая внимания на остальных, Александр обратился к Никомандру:

– Находишь ли ты, что твой ученик хорошо дрался? Слышал ли ты, сидя в своем домике под каштанами, о походах непобедимого Александра?

Никомандр смущенно засмеялся, рука по привычке дернулась, чтобы потрепать ученика по плечу, но он ее удержал.

– Как же не слышал! Теперь в Пелле только и говорят о том, как сражается наш молодой базилевс: не хуже быстрого славного Ахиллеса.

Один из присутствующих воскликнул:

– Не только как Ахиллес – базилевс далеко превзошел своего предка! Базилевса можно сравнить только с непобедимым божественным Гераклом.

Другой голос перебил:

– Что такое подвиги Геракла! Он много ходил по свету, но особой пользы отечеству не принес. А наш базилевс присоединил целые государства варваров и заставил их почитать эллинских богов.

Александр вскочил и порывисто прошелся по комнате:

– Верно! Я хочу проникнуть еще дальше, чем ходил Геракл! Я проведу свои войска до конца Вселенной, где неведомые пустыни заселены необычайными дикарями, где море омывает последний берег земли и где никто уже не

осмелится встать на моем пути.

- Ты победишь, ты всюду пройдешь! – воскликнули голоса.

- А что говорят в Афинах? Был ли ты в этом болтливом, тщеславном городе?

- По пути наш корабль заходил в Пирей,[21 - Пирей – гавань Афин.] – сказал Никомандр, – и я посетил Афины. В этот день там распространился слух, что будто бы ты умер в далекой Персии. Все ораторы закудахтали, как встревоженные куры, и народ побежал на агору.[22 - Агора – площадь в Афинах, где происходили народные собрания.] Там болтуны стали произносить хвастливые речи, требуя немедленно объявить войну Македонии. Только один Фокион[23 - Фокион – афинский оратор.] успокоил шумевшую толпу, сказав: «Зачем торопиться с объявлением войны? Подождем. Если Александр мертв, то он будет мертв и завтра и в следующие дни. Сперва нужно проверить такой слух, а затем уже объявлять войну».

- Александр жив и будет жить всегда! – раздались голоса.

- О, я еще покажу мою волю этому коварному и болтливому городу! Хотя нас разделяют от Эллады пятьсот парасангов,[24 - Парасанг – мера длины, немного больше пяти километров.] придет время, я заставлю тщеславных афинян почувствовать весь ужас моего гнева.

Никомандр достал из складок гиматия кожаную трубку с висевшими на шнурках печатями и почтительно поднял ее перед собой:

- Письмо от царицы эпирской Олимпиады!

Александр схватил свиток. Мрачная тень пробежала по его красивому лицу. Изогнутые брови сдвинулись.

- Слава и благополучие царице Эпира! – сказал он задумчиво. – Ты мне расскажешь сегодня попозже все, что происходит дома, Гефестион, сохрани это письмо.

Товарищ детства Александра Гефестион, несколько выше его ростом, с красивым спокойным лицом, взял кожаную трубку двумя руками, как драгоценность, прикоснулся к ней губами и отступил назад. Отвернувшись от Никомандра, базилевс быстро подошел к карфагенскому послу и, глядя в упор, сказал:

– Ты приехал по своей воле или тебя отправило твое государство?

Карфагенянин развел руками:

– Если я буду иметь успех в моих переговорах, то, значит, я послан от моих граждан. Если же нет – то я приехал сам от себя.

Базилевс усмехнулся, на мгновение задумался, прищурил левый глаз и спросил:

– Как лучше мне с войском достигнуть Карфагена: на кораблях или сушей, по берегу Ливии?

Черные глаза финикиянина на мгновение метнулись вверх, скользнули по Александру. Затем он ответил, почтительно склоняясь:

– Это зависит от того, на каком пути, морском или сухопутном, боги захотят сохранить тебя невредимым.

Базилевс рассмеялся и обратился к своим товарищам:

– Финикияне всегда были лукавы и в словах и в делах. Но с ним будет весело поговорить за обедом. Гефестион, позаботься, чтобы сын Анат[25 - Финикияне называли себя «бени Анат» – «сыны Анат». Финикиянин – слово греческое, означает: человек с востока.] возлежал сегодня вечером рядом со мной.

Базилевс резко отвернулся и равнодушно подошел к афинянам; лицо его было холодно и непроницаемо.

– Жив ли еще мой мудрый учитель Аристотель? Ваши сумасбродные правители его еще не казнили?

Бледный афинянин, стоявший в небрежной и независимой позе впереди двух товарищей, ответил:

– Афины всегда были школой и центром просвещения всей Эллады. Разве мы можем поступить грубо и непочтительно с самым высоким учителем мудрости? Он, как и раньше, преподает нашей молодежи знания в тенистых садах Ликейя![26 - Аристотель преподавал философию и другие науки, прогуливаясь с учениками по аллеям сада Ликейя при храме Аполлона Ликейского близ Афин. Отсюда название учебного заведения – лицей.]

– Однако, после того как дельфийский оракул провозгласил мудрейшим из мудрейших философа Сократа, совет вашего города присудил его к смерти. Зависть афинян не знает пределов. – Голос Александра сделался хриплым, и левое плечо стало подергиваться. – Весь мир уже признал меня сыном Бога, но афиняне очень ревниво оберегают от меня вход на небеса. Занятые такой заботой, не рискуют ли они потерять собственную землю?..

Базилевс резко отвернулся и отошел от афинян к распростертым на земле персидским сановникам:

– Встаньте, мои друзья! Теперь вы мои подданные и одинаково мне дороги, как и другие знатнейшие граждане всех народов моего великого царства. На что вы пришли жаловаться, о чем просить?

Персы говорили одновременно и на коленях подползали к Александру, стараясь поцеловать край его белого гиматия.

Переводчик, наклонившись, шептал базилевсу:

– Это бывшие придворные персидского царя Дария. Они клянутся в своей преданности и верности и просят тебя, чтобы за ними остались их поместья и должности при дворе.

– Пригласи их сегодня на обед. Скажи, что их новый повелитель Александр не менее милостив к своим верным слугам, чем был их добрый царь Дарий.

Александр снова подошел к Никомандру:

– Ну что, старик, смог бы ты еще испробовать со мной «молнию пятого удара»? Чей меч теперь сильнее?..

Никомандр обрадовался и торопливо засмеялся:

– Давай испробуем ловкость наших мечей!

– Испробуем, когда ты отдохнешь. Разве дорога тебя не утомила?

– Я так торопился доставить тебе письмо царицы, что не чувствовал усталости. Но должен признаться, что уж очень мне надоело без конца видеть обгорелые дома, бродящих между развалинами голодных стариков и старух. А вонь-то какая! Как ветер подует навстречу, так и знаешь, что потянутся кресты с прибитыми к ним гниющими трупами, возле которых бродят собаки с раздутыми от обжорства животами. Зато как я обрадовался, когда после жаркой равнины поднялся на перевал и почувствовал родной холодный ветер! Точно я снова попал в милую Македонию! И здесь, среди диких скал, я вдруг услышал дивную греческую песню. В ней, в глуши Азии, уже воспевались подвиги Александра Непобедимого.

– Где это было?

– Недалеко, на последнем горном перевале. Гляжу: сидят у костра наши воины, и среди них мой старый приятель Грабос. Помнишь ли ты его? Он был верным воином еще твоего отца, царя Филиппа. А неведомый певец из его отряда пел так красиво, что я подумал: не сам ли Пан[27 - Пан - в греческой мифологии божество, олицетворяющее природу.] с лирою сидит на горе и воспекает твои подвиги?

– Филота! – прервал базилевс. – Кто начальник поста на ближайшем перевале?

Из группы военачальников вышел высокий, стройный македонец в легком панцире всадников.

Вытянувшись, он сказал:

– Грабос, македонянин, начальник поста на перевале Священных лоскутов. С ним шестнадцать фессалийских всадников.

– Вызови его сегодня же, и пусть он с собой привезет того воина, который хорошо поет. Мы послушаем его за ужином.

Александр направился к двери, остановился, подняв руку, и, воскликнув: «Хайретэ!», скрылся за занавеской.

«Не верь никому!»

Базилевс вошел в маленькую комнату, где он любил оставаться один. Стальные мечи всех форм и размеров со свежееотточенными лезвиями правильными рядами висели по стенам. В углу стояли несколько разной величины копий. Вдоль одной стены выстроились покрытые золотыми узорами панцири. Рядом топорщились красными волосяными гребнями шлемы с поднятым забралом. Позади них находились круглые щиты с выпуклыми изображениями сражающихся воинов.

Старый македонец с седыми, заплетенными в косы кудрями, в темном шерстяном хитоне протирал оружие желтой тряпкой, обмакивая ее в чашу с жидким маслом. Александр повел бровями, и македонец удалился.

Гефестион опустился на узкое ложе, покрытое пестрым ковром, осторожно разрезал кинжалом красный шнурок, сломал восковые печати и вынул из кожаной трубки пергаментный свиток. Базилевс стоял у стены среди длинных тяжелых мечей.

– Что пишет царица-мать, преславная Олимпиада? Опять на родине восстание?

Гефестион пробежал глазами ровные ряды букв.

– Царица опять тебя предостерегает. Слушай, базилевс:

«Олимпиада, царица Македонии и Эпира, непобедимому, великолепнейшему Александру, сыну Филиппа, всей Азии царю и повелителю (желает) радоваться! Я посылаю это письмо с преданным нашему дому Никомандром, учителем военного искусства, который поклялся на жертвеннике Гестии, что передаст письмо из моих рук в твои руки, готовый положить жизнь за царское благополучие.

Заклинаю тебя богами вечно сущими быть осторожным по отношению ко всем людям, которыми ты себя окружил. Я знаю, что ты был слишком доверчив и милостив к родовитым князьям Македонии. Помни, что ты – единственный в мире царь, посланный на землю самим Зевсом, а они – твои подданные, простые смертные и должны тебе покоряться. Ты же сам беззаботно делаешь из них новых царей. Благодаря твоей щедрости все эти выскочки, которые на родине оставались бы ничтожными пастухами и пасли свиней и коз, теперь воображают, что могут равняться с тобой.

До меня дошли вести, что даже самые близкие к тебе люди, забыв милости и подарки, которыми ты их осыпал, тайно осуждают тебя, почему ты раздаешь управления провинциями персам, а не македонцам. И почему ты приближаешь к себе варваров? Даже старый Парменион, друг твоего отца, заявлял своим друзьям, что тебя надо обуздать, что больше от тебя македонцам пользы не будет, и даже дерзко сказал, что царем надо провозгласить его сына Филоту.

А ты ничего не предпринимаешь и даже сделал Филоту начальником конницы. Мне же передавали вернувшиеся раненые, что Филота раздает воинам ценные подарки и их подкупает, чтобы те его хвалили и избрали царем. И Парменион, и Филота, и убитый его брат Никанор только потому прославились, что находились около тебя, сына Бога, исполняя твои приказания. А без тебя они сидели бы в ущельях Скардона, в своих прокопченных домишках и возили бы на базар на продажу дрова и козий сыр.

Ты прошел так далеко по равнине земли, как не доходил ни один из героев или богов древности. Возвращайся обратно в Пеллу, выбирай лучшую из македонских девушек и правь отсюда миром, как твой отец, мудрый Филипп, грозно правил предательской и подлой Грецией и готовил завоевание Вселенной.

Ежедневно я совершаю возлияния богам, чтобы они охраняли тебя на бесконечных дорогах Азии и вернули здоровым и невредимым на родину.

Благодарю за присланные драгоценные подарки. Я бы хотела получить еще тонких прозрачных шелковых материй, сотканных народами Востока».

Гефестион посмотрел на Александра.

Базилевс поднял руку с золотым перстнем на указательном пальце и приложил его к губам.

– Запечатай печатью молчания твои уста, – прошептал он. – Вся конница, вся моя личная охрана в руках Филоты, но сам он пока еще в моей власти. Мы дошли до Кавказа Индийского,[28 - В то время предполагали, что область нынешнего Афганистана, где стоял лагерь Александр, – часть Кавказа, и ее горы называли в отличие от Главного Кавказа Кавказом Индийским.] а гетейры[29 - Гетейры (этэры) – товарищи; так назывались македонцы из знатных родов, товарищи и сверстники Александра, составлявшие особый отряд с лучшим вооружением.] все еще думают, что я завоевал весь мир только для них, только для того, чтобы они могли царствовать над другими народами. Мне же в благодарность они готовы вонзить кинжал в спину, как они это сделали с моим отцом Филиппом. Сегодня ночью, после пира, ты приведешь тайно сюда Черного Клита... Нет!.. Черный Клит тоже начал спорить со мной, и его надо остерегаться. Пусть придут Кратер, Аминта, Птоломей и Пердикка. Этой же ночью я возьму под стражу дерзкого хвастуна Филоту. В его палатке надо пересмотреть все вещи и во что бы то ни стало разыскать письма от его отца Пармениона. Я узнаю, откуда тянутся нити заговора, и я их распутая огнем и пыткой. Я так накажу виновных, что этэры начнут ползать передо мною на животе, подобно персам.

– Не сделай поспешной ошибки! В этом письме говорит, может быть, только слепая любовь царицы-матери и ее боязнь за сына. Филота, его покойный брат Никанор и старый Парменион всегда были искренне преданы тебе. С кем же ты останешься, если перебежешь твоих лучших друзей, да еще так далеко от родины? Неужели ты больше доверяешь льстивым персам, для которых ты навсегда останешься врагом, иноземцем и завоевателем!

– Моя родина там, где стоит моя нога и где мое войско! – гневно прервал Александр, и на его губах показалась пена. Его красивое лицо искривилось от гнева, и крупные белые зубы хищно оскалились. – Не забывай, что я уже не царь маленькой Македонии, как был мой отец, но повелитель всей Азии. По моей воле весь мир будет поворачиваться, как колесо вокруг оси, где стою я, и

поворачиваться в ту сторону, в которую я захочу. Если двадцать тысяч македонцев не захотят мне повиноваться, то я раздавлю их копытами бесчисленных полчищ Азии, которые бросятся на них по одному моему слову... Азиаты смотрят на меня не как на иноземца, а как на Бога, сошедшего с неба, чтобы дать всем людям мир и счастье.

Прозвенел удар в бронзовый щит.

- Войди! - крикнул базилевс.

В дверях показался юный эфеб[30 - Эфеб - юноша из аристократического семейства, дежурный для поручений. Из эфебов потом делались этэры.] с завитыми кудрями и синей лентой вокруг головы.

- Пришел экзетазис. Разрешите войти к тебе.

- Впусти!

Экзетазис, высокий, очень худой грек с желтым лицом и впалыми щеками, вошел, кашляя и кутаясь в плащ. Губы его были сини и подбородок дрожал.

- Ты совершенно болен, - сказал базилевс. - Какое важное дело могло оторвать тебя от постели и привести сюда?

- Ты требовал во что бы то ни стало известий с севера. Одного лазутчика мне доставили сегодня с перевала Священных лоскутов. У него наш сямбаллон. Он много видел, много знает.

- Приведи его сюда.

- Но он так грязен...

- Тогда я допрошу его там, в другой комнате...

Лазутчик из Сугуды[31 - Сугуда и Бактра – провинции Древней Персии. Греки называли их Согдианой и Бактрианой. Сугуда (Согдиана) занимала плодородные земли между верхним течением Сырдарьи на территории современных Узбекской и Таджикской ССР, имея своей столицей Мараканду; Бактра (Бактриана) располагалась южнее Сугуды, по левобережью Амударьи, между Гиндукушем и Паропамисом, на территории Афганистана, центром Бактры был Балх – родина Зороастра, основоположника религии огнепоклонников – зороастрийцев.]

В небольшой комнате с выбеленными стенами появился атраван, лохматый, как зверь, с всклокоченной бородой и длинными запыленными косами. Он ту же запахнул рваный плащ со множеством заплат и опустил на корточки. Воин в тусклом помятом панцире неподвижно стоял сзади.

Атраван сидел на четвереньках, как обезьяна, опираясь длинными руками о пол. Из-под гривы спутанных волос поблескивали горящие колючие глаза.

– Ты говоришь по-персидски?

Старик хрипло что-то пролаял, достал изо рта обломок серебряной монеты и протянул ее на темной ладони. Он видел перед собой молодого чужеземца в белоснежном шерстяном плаще, сидящего на складном стуле. Правая рука с могучими мышцами была обнажена. Кожа на руке была розовой, как у девушки, и он благоухал ароматами, точно цветущая яблоня. Глаза смотрели с тем равнодушием, с каким знатные люди смотрят на раба или на камень. Один глаз был темно-зеленый, другой светло-серый.

Рядом стоял человек в персидской одежде, с белым лицом и подведенными черной краской глазами. Кудри волос охватывались красным ремнем с золотой пряжкой. Сидевший говорил на неведомом атравану языке.

Стоявший объяснял по-персидски:

– Если твой язык не скажет всей правды, то тебя повесят за локти на крюк, пока не начнешь все говорить правдиво, как добрый ребенок говорит своей матери. Начинай. Кто ты такой?

– Бактриец, атраван. Знаю прошлое, вижу за много гор и морей настоящее, постигаю будущее, открываю то, что задержано.

– Молчи! Говори только, что тебя спрашивают.

– Я слушаю, о великий, о могучий! Открой очи от сна беспечности, чтобы на ухо внимания твоего я сказал важные вести.

– Сам пришел сюда или по приказанию?

– Тайный голос бога Ахурамазды повелел мне: иди через горы и долины, проповедай людям, что пришло последнее время. Все рушится, дети оторваны от сосцов матерей, и скоро облака не будут больше летать по небу, а камнями попадают на землю.

– Каким путем ты шел?

– Из Сугуды, из города Мараканды,[32 - Мараканда – город, бывший на месте нынешнего Самарканда.] шел сюда через город Бактру. По дорогам без конца движутся отряды персидских воинов, обыскивают всех, даже не пожалели моих лохмотьев, точно может быть золото у бедного атравана!

Сидевший шевельнулся и стал внимательнее вглядываться.

– Ты сказал, что по дороге шло много воинов? На какой дороге ты их видел?

– Я шел прямым путем, через Железные ворота в Байсунских горах. Переплыл в лодке через реку Окс[33 - Окс, или Вахш, – древние названия реки Амударьи.] и направился к Бактре...

– Много там лодок?

– Очень много. Целый день и ночь лодки перевозят воинов. Все они идут сюда, к Седым горам.

– Отчего же ты пришел сюда не прямой дорогой, с севера, а сделал такой большой круговой обход, что попал с юга на перевал Священных лоскутов?

– Говорил же я тебе, что отряды воинов стоят на главном пути. Я и пошел в обход, но не по злему умыслу, а из боязни. Если кто захочет пойти в горы, воины его ударят под левый сосок и сбросят в овраг. Я побежал горными козьими тропами, которых не знают караваны. Эти тропы идут через скалы, над пропастями. Я пробрался этими тропами в снег и вьюгу, и, когда был уже на перевале Священных лоскутов, яваны[34 - Яваны, явана или явуна – так персы обычно называли греков.] схватили меня своими грубыми руками.

– Видел ты по пути саков? Знаешь, кто саки?

– Знаю саков – это храбрейшие из людей, доители кобыл. Только в Мараканде я видел немного саков, а всюду по другим путям были только сугуды[35 - Сугуды – согды, народ, живший в Сугуде.] и бактрийские воины. Все саки ушли на север, в свои степи.

Сидевший чужеземец вскочил:

– Ты, многознающий святой и хитрый атраван, пойдешь теперь со мною и покажешь мне дороги в Мараканду, по которым не ходят караваны.

Старик пал лицом на землю и умоляюще протянул руки:

– Отпусти меня, о блистающий, о добродетельный! Не пойду я в Мараканду, там меня посадят на кол, и пропадет, как раздавленная муха, праведный атраван!

Чужеземец отступал, а руки старика, длинные и костлявые, тянулись к нему.

– Здесь недалеко у меня жена и тринадцать детей. Дай мне награду и отпусти, иначе за меня вступятся всемогущие дивы и будут бросать тебе камни под ноги.

– Спрятать его, кормить получше и не выпускать!

Чужеземец скрылся за занавеской, воин ткнул атравана ногой и, схватив за космы, потащил за собой, как мешок.

Пир у царя царей

Три террасы ступенями подымались над дворцом правителя города. Персидские ковры и индийские ткани закрывали весь пол. По краям террасы дымились бронзовые треножки, и в них трепетными огнями горело ароматическое масло.

На верхней террасе подковой протянулись низкие столики, и возле каждого было приготовлено ложе, покрытое расшитым шелковым покрывалом. Персидские слуги в белых до пят одеждах, с парчовыми повязками на головах бесшумно скользили по террасам, расставляя на столиках блюда с едой.

По сторонам на угловых бойницах неподвижно застыли часовые с копьями. Конские хвосты на шлемах колебались, когда они поворачивались и осматривали даль.

Острые скалистые вершины Седых гор резко чернели на потухающем багровом небе. В потемневшей широкой долине Кофена бесчисленные огоньки зажигались, как звезды. Гости, одни в греческих белых гиматиях, другие в персидских красных одеждах, обшитых бахромой, поднимались по ступенькам на террасу.

Кудрявые эфебы, телохранители базилевса, в золоченых панцирях, с короткими мечами на бедрах, стояли на ступеньках лестниц, спрашивали имена прибывающих и по спискам, нанесенным на деревянные дощечки, указывали каждому гостю его место на одной из трех террас.

Уже все приглашенные были в сборе и сдержанно переговаривались, поглядывая на нижнюю террасу, откуда ждали прихода базилевса. Македонцы, начальники частей, стояли отдельными группами; они говорили громко, держались непринужденно. Все они завернулись в белые персидские шерстяные плащи с красной узорчатой каймой.

Высокий, стройный Филота в красном кожаном панцире, обшитом белой замшей, беседовал с пожилым греком, философом Каллисфеном, [36 - Каллисфен - племянник Аристотеля, известный ученый, философ, отличавшийся свободомыслием и смелостью речей.] кутавшимся в гиматий.

- Где холоднее: в Македонии или здесь?

- Ясно, что здесь холоднее.

- Почему ты так думаешь?

- Посмотри на этих македонцев: у себя на родине, на склонах Скардона, они, наверно, пасли овец в дырявых плащах и спали в них, не жалуясь, что им холодно. А здесь они сразу закутались в три роскошных персидских плаща, и все им мало!

- Однако, хотя ты как философ и не признаешь роскоши и изнеженности, но и на тебе тоже теплый шерстяной гиматий! Пожалуй, ты бы не имел его, если бы мы, македонцы, не прошли через всю Вселенную и не завоевали весь мир.

- Но не похожи ли македонцы теперь на ту змею, которая проглотила слишком большого зайца и не знает, как его переварить?

Пронесся шепот: «Базилевс!» Все смолкли и выпрямились. Зазвенели арфы, запели сиринги[37 - Сиринг – род флейты.] и трубы, гулом наполнили террасу удары двадцати бубнов.

На нижней площадке показались мальчики и юноши в однообразных сиреневых хитонах. Красные ленты обвивали их надушенные и завитые кудри. Они выстроились парами на ступеньках лестницы.

- Это заложники, - говорили в толпе, - сыновья царей тридцати народов, покоренных Александром.

Базилевса сразу не узнали. Он шел вместе с Гефестионом, но на нем не было обычного греческого хитона и гиматия. Древняя персидская царская одежда, пурпурная, затканная парчовыми цветами и изображениями колеса с крыльями,[38 - Колесо с крыльями – герб Древней Персии.] и золотой кованый пояс обвивали его мускулистое тело. Все персидские сановники и князья упали ниц, касаясь лбом ковра. Македонские начальники стояли вытянувшись, сохраняя военную выправку. Угрюмое, бледное лицо базилевса со сдвинутыми бровями оживилось, когда приветственные крики усилились и знатнейшие

князя Персии, подползая на коленях и целуя его позолоченные сандалии, загородили дорогу. Александр перешагнул через лежавшего старика Артабазана, знаменитого своей пятидесятилетней службой нескольким царям Персии, и легкими шагами взбежал на верхнюю террасу.

– Добро пожаловать! – крикнул он по-персидски и прошел на центральное место за столиками.

Черный слуга-нубиец отвязал позолоченные сандалии базилевса, и он возлег на ложе, украшенное фигурами львов из литого золота.

Персидские аристократы, вскочив, стали тесниться толпой на ступеньках, желая проникнуть на верхнюю террасу, но эфебы оттеснили их грубыми толчками и ударами, пропустив наверх только намеченных по списку.

– Позволь нам стоять возле тебя! – кричали персидские князья. – Дай насладиться видом твоей красоты!

Александр смеялся, разговаривая с Гефестионом:

– Здесь ли тот певец военных песен, о котором говорил Никомандр?

– Он уже прибыл, базилевс! – сказал Филота, выступив вперед. – Я срочно послал за ним лучших всадников.

Глаза базилевса сверкнули, когда он встретился со взглядом Филоты, но лицо не изменило холодного, непроницаемого выражения.

– Ты должен был так поступить. Пусть этот певец ожидает поблизости.

Гефестион по списку проверил имена лиц, которые были допущены пировать за одним столом с базилевсом. Все они с довольным видом, оправляя складки плащей и пышных платьев, проходили к местам, указанным эфебами, снимали обувь и опускались на лежанки, а слуги подкладывали им под левую руку шелковые подушки.

С базилевсом обедало около двадцати «счастливейших» приглашенных. Рядом с ним, справа, возлежал толстый, с опухшим лицом и с подвязанной золотистой бородой перс Оксияфр, брат убитого царя Персии Дария. Он отличался тем, что мог без конца есть, пить, не пьянея, и рассказывать о том, какие празднества устраивались раньше, при «добрейшем и благороднейшем царе царей» Дарии. Рядом с Оксияфром находился македонский царевич Арридей, слабоумный брат базилевса, любивший только сладкие блюда. С левой стороны от Александра эфебы поместили карфагенского посла; за ним разместились македонские начальники вперемежку со знатнейшими персидскими сановниками.

Базилевс, находясь в середине подковы, мог видеть всех гостей. Иногда он бросал взгляды на левое крыло, где Филота обменивался остротами и шутками с философом Каллисфеном.

Увидев, что базилевс протянул руку к блюду с жареными куропатками, посыпанными имбирем, все гости набросились на кушанья, громко восторгаясь богатством блюд и искусством царских поваров. Восхищение вызывали откормленные пулярки, начиненные фисташками, окорока диких поросят, моченные в гранатовом соке, маринованные угри, каплуны, посыпанные шафраном, и множество других кушаний, любимых персидской знатью.

Гости доставали правой рукой то, что им нравилось, или указывали слугам, и те подносили кованые золотые блюда, и каждый выбирал то, что хотел. Возле каждого на столе лежали куски сырого теста для обтирания жирных пальцев. Особые слуги стояли с пестрыми полотенцами, следя за тем, чтобы по первому знаку вытирать гостям губы, блестевшие от жира и различных подливок.

Александр, любивший рыбу, похвалил громадного копченого осетра, присланного ему в подарок наместником Гиркании.[39 - Гиркания – провинция, находившаяся на юго-восточном побережье Каспийского моря.]

Он приказал обнести осетра вокруг стола, чтобы его попробовали все гости.

Когда кончили сменяться бесчисленные замысловатые кушанья, слуги подали серебряные тазы и кувшины с теплой водой, и все обмыли руки. Эфебы надели на гостей венки из роз и зеленого мирта. Перед ними появились сладкие плоды и золотые кубки с чеканными рисунками охотничьих сцен.

Виночерпии разливали по кубкам вино, а слуги добавляли воды, сколько каждый гость им указывал. Македонцы, по своему обычаю, пили чистое, не смешанное с водой вино.

Александр поднял чашу к небу, где за надвигавшимися темными тучами быстро потухали звезды, и произнес молитву Гелиосу,[40 - Гелиос – бог солнца.] плеснув из чаши на пол. Греки и македонцы запели любимую застольную песню Анакреона:

Благовонными венками

Увенчавши кудри наши,

Мы с веселою улыбкой

Пьем вино из полной чаши...

Когда кончили песнь и ударили чашей о чашу, базилевс спросил:

– Где же обещанный воин-певец? Где его песня, воспевающая мои походы?

Все затихли. В глубоких сумерках ночи мягкий, бархатный голос запел:

Красные гребни на шлемах

Сорваны в битве мечами.

Дева, танцуй, изгибайся,

Как в трепете первой любви!

Царь Александр Великий,

Славной победой венчанный,

Шумно пирует с нами,

Смотрит на танцы твои.

Разбиты врагов колесницы

С ножами на спицах колес,

Конница камнем с утеса

Низринулась на врага.

Кто направлял средь битвы

Молнией властной десницы

Неумолимый, как рок,

Удар золотых фаланг?..

Оружье, слонов, колесницы

Отбил Александр-победитель

И много красивых коней,

И белых, как мрамор, жен,

И резную шкатулку из золота

С янтарем и жемчужными нитями;

Раскрывал ее черный нубиец

Не остывшим от крови ножом.

И сказал базилевс: «Хорошо

Вы сегодня сражались, отвагой горя!

Возьмите все золото, стройных жен,

Жемчуг весь, все оружие,

Все куски янтаря,

Дворцы четырех столиц

И двадцать персидских сатрапий!..

Я первый средь вас. Да здравствует молодость!

Любовь друзей дороже наград.

Одну лишь пустую шкатулку из золота

Я возьму и поставлю в тени шатра.[41 - После знаменитого сражения при Гавгамелах, в котором шестидесятитысячная армия Александра разбила полумиллионное войско персов, Александр отдал воинам всю захваченную добычу, а себе взял золотую шкатулку царя Дария, в которую он положил свою любимую рукопись – поэму Гомера «Илиада», и после всегда хранил эту шкатулку в своем изголовье.]

Запах крови плеснул по багровым долинам,

Звон победы в закат подымали щиты,

Когда песен Гомера свиток длинный

Положил базилевс между стен золотых.

И сны прилетели к царю

Из шкатулки, его изголовья, –

В ней таились Гомеровы звонкие песни,

Как стоны отточенной стали.

Выплывали герои Гомера

В золоте мутной крови,

В багровом дыму Гавгамелы

И в огнях ниневийских развалин.

В синем сумраке стелется дым благовоний,

На стройных треножниках меркнут огни,

Но вечно пылают сердца наших воинов, –

Царь Александр среди них!

Губы омочим в янтарном вине,

Растопчем доспехи вражьи!

В дрожащем сиянье смолистых огней

Сдвинем тяжелые чаши![42 - Стихи А. Петрова.]

Все заплескали в ладоши и закричали:

– Прекрасно! Да живет наш базилевс, равный героям Гомера! Да покроет он новой славой наши мечи! Нет, Александр выше героев Гомера!

– Подойди ко мне, юноша! – сказал базилевс.

Аристоник подошел к нему; его лицо было бледно, и капли холодного пота блестели на лбу. Как воин, он неподвижно вытянулся перед Александром.

– Откуда ты родом?

– Я фиванец, из Беотии.

Александр резко приподнялся и недоверчиво взглянул на Аристонику. Все затихли, вспомнив, что Александр разрушил до основания город Фивы, сровнял с землей каменные стены и продал в рабство тридцать тысяч защитников города. Но юноша стоял прямо и открыто смотрел в лицо базилевсу.

– Как ты остался жив?

– Во время взятия Фив я был на берегу моря, и меня не коснулся твой гнев.

– Что же, хотели бы вы, чтобы Фиванские стены были снова восстановлены?

Аристоник опустил голову, видимо колеблясь, и затем сказал:

– Если бы Фивы были восстановлены, то мы бы всегда боялись, что снова явится Александр и возьмет их.

Александр улыбнулся, одобрительно тряхнул кудрями и обвел взглядом окружающих.

Ближайшие гости шептали, желая, чтобы базилевс их услышал:

– Юноша достоин похвалы! Как базилевс милостив к фиванцу!

– Ты унаследовал дар песен вашего великого соотечественника, фиванца Пиндара,[43 - Пиндар – знаменитый греческий лирический поэт.] – сказал ласково Александр. – Я тебя оставляю в моей свите. Ты будешь петь, когда я позову тебя. В награду возьми этот подарок! – И Александр протянул юноше свой золотой кубок, наполненный вином.

Аристоник поднял кубок к небу, плеснул несколько капель на ковер в честь богов и выпил вино, не спуская глаз с базилевса. Повернувшись по-военному, он отошел четкими шагами и скрылся в группе эфэбов.

Александр начал вести разговор с послом Карфагена.

– Наш город богатейший из всех городов Внутреннего моря, – говорил финикиянин. – Мои шофеты[44 - Шофетами назывались два выборных правителя Карфагенской республики.] уже давно вели тайные переговоры с царем Персии о заключении крепкого союза. Персия – сильнейшая держава на суше; финикийские корабли – самые многочисленные и сильные на море. Если бы вольный город Карфаген и могущественная Персия заключили крепкий союз, то власть этого союза распространилась бы до самых последних пределов земли. Теперь поднимает голову дерзкий Рим. Римляне хотят наложить руку на Грецию и Македонию. Почему не соединить силы твои, великий царь, и вольного, всемогущего своим богатством Карфагена? Почему не заключить союза двух сильнейших в мире государств?

На левом краю стола македонцы, сидевшие близ Филоты, обменивались насмешливыми фразами:

– Лесть – самое верное оружие.

– Особенно у Александра!

– После битвы при Гавгамелах из захваченной добычи он ничего не взял себе, это верно, но зато уж в Персеполисе он не постеснялся и отослал матери в Пеллу тридцать пять тысяч мулов и пять тысяч верблюдов, нагруженных золотом и серебром.

– Разве управление сатрапиями он раздал своим товарищам по мечу? О нет! Ими он пренебрегает! Всюду начальниками он посадил персов.

– Мы для него захватывали царство за царством, а награда нам – тяжелые раны и отправка, как ненужных калек, на родину.

– Теперь мы, благородные этэры, даже редко видим Александра, а должны сперва кланяться персидскому евнуху, чтобы он нас пропустил к нему, нашему бывшему товарищу.

– А для чего он позорится, натягивая широкие персидские шаровары и варварскую одежду?

Музыканты снова затянули пронзительную мелодию, любимую песнь бывшего царя царей Дария. Свистели сиринги, заливались свирели, гудели трубы и глухо рокотали бубны.

Скиф и Элин

Тогда в темном небе над пировавшими загорелись два факела и осветили худенькую девушку, сильно набеленную, в пестрой короткой тунике с золотыми блестками. Покачивая факелами в вытянутых руках, она как будто плыла в воздухе. Когда акробатка дошла до середины террасы, сбоку вспыхнули еще два факела, и небольшая обезьяна осторожно пошла по канату на задних лапах, покачиваясь и подражая девушке.

Громкий хохот раздался на верхней террасе, и все заметили высокого неуклюжего юношу в греческом хитоне, который показывал пальцем на обезьяну, приседал и задыхался от смеха. Его хохот заразил всех, прокатился по всем террасам и отозвался внизу, во дворе, где толпились воины.

– Кто это так громко смеется? – спросил базилевс. – Мне его лицо немного знакомо.

– Это скиф, молодой сакский князь Сколот, – сказал подошедший эфеб. – Ты вчера приказал вывести его из подвала, вымыть, переодеть и привести к тебе.

– Дай ему вина и приласкай. Я буду сегодня говорить с ним.

Девушка на канате остановилась над пирующими, ловко подбрасывая горящие факелы и снова ловя их за ручки. Снизу взлетели один за другим еще четыре горящих факела, и акробатка искусно ловила их, продолжая подбрасывать, так что над нею образовался пылающий венок из вертящихся огней.

Все затихли, опасаясь за девушку, стоявшую одной ногой на канате, высоко над всеми.

– Такова слава Александра! – прозвучал чей-то голос.

Некоторые узнали голос философа Каллисфена.

Девушка напрягала все силы, чтобы сохранить равновесие и ловить факелы. Туго натянутый канат дрожал, обезьяна сорвалась и, уронив факелы, повисла, уцепившись всеми четырьмя лапами.

Факелы, рассыпая искры, один за другим стали падать вниз, где их ловил старик в высоком красном колпаке и длинной одежде, обшитой золотыми звездами. Девушка, оставшись с двумя горящими факелами, прошла до конца каната и остановилась, приветствуя зрителей рукой. Обезьяна пробралась по канату к девушке и вскарабкалась к ней на плечо. Оба факела, вертясь, полетели вниз. Девушка с обезьянкой исчезла во мраке.

Базилевсу подвели молодого скифа. Хитон на нем был узок и короток. Костистые руки с громадными кистями и длинные ноги были худы и неуклюжи. Скиф, открыв рот, исподлобья рассматривал базилевса.

Около Александра стояли два его секретаря. Один, бледный молодой сириец с красной лентой вокруг черных курчавых волос, записывал слова повелителя, другой, пожилой перс с привязанной бородой, завитой мелкими колечками, был переводчиком.

– Давно я тебя не видел, – сказал Александр. – Может быть, тебе жилось худо? Но ты сам виноват, что не обратился ко мне.

Скиф блеснул белыми зубами, и вокруг его глаз собрались насмешливые складки.

– Я тоже давно не видел тебя, кшатра,[45 - Кшатра – по-древнеперсидски – царь.] и жилось мне, пожалуй, похуже твоего. Из моего темного подвала в окошко я видел только ноги проходивших воинов. И меня заедали клещи и клопы.

– За это я сумею наградить тебя. Что бы ты хотел получить?

Скиф переступил с ноги на ногу и повел широкими плечами.

– Мне нужно разыскать моего жеребца. Он сын знаменитого в степи Буревестника, саврасый, с темной полосой вдоль спины.

– Хорошо! – сказал базилевс. – Я прикажу, чтобы разыскали твоего саврасого. Может быть, ты хочешь еще что-нибудь?

Скиф обвел глазами круг незнакомых, чуждых ему людей, которые, кто растянувшись на ложе, кто стоя, с насмешкой смотрели на него блестящими от вина глазами.

– Если конь без работы застоится, то падает на ноги. То же случилось и со мной. Затосковал я без дела! Очень бы хотел с кем-нибудь подраться.

Базилевс ударил в ладоши:

– Это будет забавное зрелище! Кто хочет подраться со скифом?

Некоторые предложили:

– Вызвать из охраны базилевса рослых македонцев, достойных побороться со скифом.

Учитель Никомандр воскликнул:

– Если скиф умеет владеть мечом, то я согласен испробовать на нем мое искусство.

Переводчик объяснил его слова скифу.

Молодой скиф небрежно взглянул в сторону Никомандра:

– Дайте мне мою секиру, и я буду драться с тремя такими, как этот старик.

Базилевс подозвал Никомандра и тихо прошептал:

– Не смей убивать его, он мне нужен. Можешь только слегка ранить.

Никомандр сделал презрительный жест:

– В какое место его ранить?

– Ты его трижды ранишь в левое плечо.

– Дайте мне мой македонский меч! – обратился Никомандр к эфебам.

Он сбросил плащ и остался в одном хитоне и венке на седеющих кудрях. Мускулистые руки и ноги Никомандра были голы, и старые побелевшие шрамы говорили, что он побывал не в одном бою. Из груды оружия, по обычаю снятого гостями при входе на место, предназначенное для пиршества, эфебы достали узкий стальной меч Никомандра с ручкой, отделанной золотом. Скифу дали тяжелый македонский меч. Он попробовал упругость стали, отточку острия и поднял его к небу:

– Тебе, бог Папай,[46 - Папай – главный бог у скифов, олицетворение грома и молнии.] я посвящаю эту жертву! Ты охраняешь наши стада от волков в сакских степях, сохрани и меня среди этих разбойников!

С мольбой глядел скиф в темное, мрачное небо, покрытое тяжелыми тучами. Ветер усиливался, и пламя светильников порывисто трепетало. Порывы надвигавшейся бури жадно подхватывали искры и далеко уносили их.

Скиф расставил длинные ноги и протянул меч, направляя его против македонца.

Никомандр повернулся правым плечом к противнику и, сдвинув ноги, держал меч прямо, острием кверху, закрывая им грудь и лицо:

– О царь, славнейший из царей, и все вы, македонцы, эллины и другие гости! Мой меч, не знавший поражения, сегодня, по желанию нашего царя, пощадит этого варвара. Но я обещаю, что концом меча я тремя ударами по левому плечу юноши напишу альфу, начальную букву имени величайшего повелителя Азии.

Скиф, следя горящими глазами за противником, стал приседать на левую ногу и выдвигать правую жилистую руку с мечом.

Македонец заложил левую руку за спину, глаза прищурились. На бритом лице морщины стали резче и глубже. Мускулы голых рук напряглись и вздулись. Он был готов к нападению.

Меч его, сверкнув молнией, сделал несколько зигзагов, и послышался лязг столкнувшейся стали. Длинный скиф пригнулся еще ниже, и только костистая рука его со стальным клинком завертелась, ловя мелькающий меч македонца.

Лицо Никомандра, бывшее самодовольным и насмешливым, вдруг сделалось серьезным. Он почувствовал силу дикого противника. Скиф не глядел на меч. Его синие глаза потемнели и впились в нахмуренные брови македонца. С звериной ловкостью он отражал стремительные удары Никомандра, сам не переходя в наступление.

– Эугэ! Каллиста![47 - Эугэ! Каллиста! (греч.) – Хорошо! Отлично!] – пронеслись крики македонцев.

На левом плече скифа покраснела косая полоса, и кровь темной струйкой потекла по груди.

Скиф, казавшийся тяжелым, как верблюд, вдруг сделал легкий, упругий прыжок в сторону, и Никомандр, не dokonчив стремительного выпада, едва удержался на ногах, но быстро отступил, встретившись с градом ударов внезапно напавшего скифа.

– Не жалей его, Никомандр! Изруби варвара! – Крики неслись со всех сторон: с крыш и стен, на которые забрались воины. – Воткни ему меч в горло!

Новая косая линия нарисовала вторую сторону угла альфы, и струя крови сильнее потекла по груди скифа. Оставалась только поперечная черта. Несколько эфебов и воинов приблизились, готовые разнять противников.

Скиф применил невиданный прием. Его меч, стремительно забуравив воздух, с силой понесся на противника. Лезвие Никомандра, встретившись с мечом скифа и описав дугу, полетело в сторону. Скиф диким прыжком обрушился костлявыми коленями на грудь македонца, подмял под себя и с ревом впился зубами ему в шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Седые горы (Сафэд-кох) – горный хребет к югу от долины Кабула в Афганистане.

2

До сих пор в этом ущелье путники вешали на ветвях деревьев лоскутки от своих одежд в честь «духа гор». Отсюда и название ущелья.

3

Разноцветные шнуры на поясе – признак жреца огнепоклонников.

4

В описываемое время Кабул – столица Афганистана – населением назывался Забул.

5

Атраван – ученый жрец огнепоклонников.

6

Дивы – злые духи бога зла Аримана.

7

Кифара – деревянный щипковый музыкальный инструмент с семью и более струнами.

8

Сюмбаллон – предмет с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись.

9

Экзетазис – ведающий донесениями лазутчиков.

10

Афиняне были настроены враждебно к македонянам и неоднократно участвовали в открытых выступлениях против Александра.

11

Парменион – один из старейших военачальников Александра; находился с резервными войсками в Экбатане, важном узловом пункте, охраняя тыловые пути и связь Александра с родиной.

12

Карт-хадашт – богатый финикийский город Карфаген на северном берегу Африки.

13

В древности Африка называлась Ливией.

14

Стихи А. Шапиро.

15

Пелла – столица Македонии.

16

Описанный Плутархом конь Буцефал сопровождал в походах Александра и погиб в Индии, где в его честь был основан город Буцефалия.

17

Хайретэ – греческое приветствие, буквально означает: «Радуйтесь!»

18

Седел и стремян в то время всадники не знали. Верховой конь покрывался подстилкой – чепраком, кожаным или из шкуры, перетянутым широким ремнем.

19

Гиматий – шерстяной плащ (накидка).

20

Эрот – бог любви, изображавшийся греками в виде мальчика с маленьким изогнутым луком и стрелами.

21

Пирей – гавань Афин.

22

Агора – площадь в Афинах, где происходили народные собрания.

23

Фокион – афинский оратор.

24

Парасанг – мера длины, немного больше пяти километров.

25

Финикияне называли себя «бени Анат» – «сыны Анат». Финикиянин – слово греческое, означает: человек с востока.

26

Аристотель преподавал философию и другие науки, прогуливаясь с учениками по аллеям сада Ликея при храме Аполлона Ликейского близ Афин. Отсюда название учебного заведения – лицей.

27

Пан – в греческой мифологии божество, олицетворяющее природу.

28

В то время предполагали, что область нынешнего Афганистана, где стоял лагерь Александр, – часть Кавказа, и ее горы называли в отличие от Главного Кавказа Кавказом Индийским.

29

Гетейры (этэры) – товарищи; так назывались македонцы из знатных родов, товарищи и сверстники Александра, составлявшие особый отряд с лучшим вооружением.

30

Эфеб – юноша из аристократического семейства, дежурный для поручений. Из эфебов потом делались этэры.

31

Сугуда и Бактра – провинции Древней Персии. Греки называли их Согдианой и Бактрианой. Сугуда (Согдиана) занимала плодородные земли между верхним течением Сырдарьи на территории современных Узбекской и Таджикской ССР, имея своей столицей Мараканду; Бактра (Бактриана) располагалась южнее Сугуды, по левобережью Амударьи, между Гиндукушем и Паропамисом, на территории Афганистана, центром Бактры был Балх – родина Зороастра, основоположника религии огнепоклонников – зороастрийцев.

32

Мараканда – город, бывший на месте нынешнего Самарканда.

33

Окс, или Вахш, – древние названия реки Амударьи.

34

Яваны, явана или явуна – так персы обычно называли греков.

35

Сугуды – согды, народ, живший в Сугуде.

36

Каллисфен – племянник Аристотеля, известный ученый, философ, отличавшийся свободомыслием и смелостью речей.

37

Сиринг – род флейты.

38

Колесо с крыльями – герб Древней Персии.

39

Гиркания – провинция, находившаяся на юго-восточном побережье Каспийского моря.

40

Гелиос – бог солнца.

41

После знаменитого сражения при Гавгамелах, в котором шестидесятитысячная армия Александра разбила полумиллионное войско персов, Александр отдал воинам всю захваченную добычу, а себе взял золотую шкатулку царя Дария, в которую он положил свою любимую рукопись – поэму Гомера «Илиада», и после всегда хранил эту шкатулку в своем изголовье.

42

Стихи А. Петрова.

43

Пиндар – знаменитый греческий лирический поэт.

44

Шофетами назывались два выборных правителя Карфагенской республики.

45

Кшатра – по-древнеперсидски – царь.

46

Папай – главный бог у скифов, олицетворение грома и молнии.

47

Эугэ! Каллиста! (греч.) – Хорошо! Отлично!

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vasiliy-yan/ogni-na-kurganah>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)